

Правила одичания

СТО ЛЕТ КНИГЕ «ТОТЕМ И ТАБУ» ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Григорий Ревзин

ЧЕТЫРЕ коротеньких эссе Зигмунда Фрейда, соединенные в книгу «Тотем и табу», занимают непропорциональное место в истории мысли XX века. Нельзя сказать, что это прорыв в психоанализе: он был сделан Фрейдом на 13 лет раньше, в 1900 году, когда он опубликовал «Толкование сновидений». Там он утвердил само понятие «подсознательного», а тут лишь доказал, что все люди — психи с начала времен. Нельзя сказать, что это прорыв в исследовании древних культур: фактически вся эта книга представляет собой заметки на полях четырехтомного исследования Джеймса Фрэзера «Тотемизм и экзогамия», и я бы, если бы не опасался страшной мести фрейдистов, и фрейд-феминистов (he or she), честно сказал, что этнография не потеряла бы ничего, если бы великая книга Фрэзера существовала без этих заметок. Нельзя сказать, что «Тотем и табу» оказала решающее значение для проникновения психоанализа в исследование культуры: идеи Карла Юнга о коллективном бессознательном и архетипах, сформулированные в «Метаморфозах и символах либидо» в 1911 году, оказались для культурологии внятнее и продуктивнее. Саму книгу Фрейда можно рассматривать как «наш ответ зарвавшемуся доктору Юнгу», поскольку она писалась после разрыва с Юнгом и в противовес ему. И тем не менее «Тотем и табу» — едва ли не самая известная работа Фрейда, ее читали все, а если не читали, то стараются вытеснить знание об этом обстоятельстве в сферу бессознательного и делают вид, что знают, чего там написано. Я бы сказал, что острота книги заключается в остром противоречии между двумя перпен-

дикулярными логиками, которые в ней присутствуют. Одну можно было бы назвать уютнейшей логикой XIX века. Суть сводится к следующему.

Фрейд предположил, что в области индивидуальной психологии действует закон Эрнста Геккеля о повторении филогенеза (развития биологических форм по эволюционной лестнице Дарвина) в онтогенезе (развитии от зародыша до полноценного организма). Современные представления морально-нравственного порядка есть результат развития от древнейших социальных форм. Так, табу — запрет на контакт с чем угодно и специфические процедуры его нарушения — эволюционирует в совесть, а тотем — отождествление себя с животным — в представление о боге. Невротика, по его мнению, это люди, остановившиеся в этой эволюции на каком-то из этапов, некий несовершенный психологический онтогенез, и, соответственно, наличие схожих с табу или тотемом неврозов в медицинской практике доказывает, что все это так и было — психи оказываются здесь аналогом окаменелостей, чей психологический рисунок показывает, какие экземпляры ходили по миру в древности.

Это милейшее представление XIX века о том, что куда ни кинь — везде прогресс, в том числе и в нравственности и морали. Потому что, конечно, если наши предки полагали, что они медведи в буквальном смысле (тотем) и даже имя медведя произносить не могли (табу), а описывали его иносказательно — «ведущий мед», — то мы, полагаящие себя медведями только в политическом смысле голосования за партию жуликов и воров, избравшую медве-

дям своим символом, чрезвычайно далеко продвинулись по пути прогресса. Что уж говорить о прогрессивных европейцах! «Табу, собственно говоря, еще существует у нас, — начинает свое повествование Фрейд, — хотя отрицательно понимаемое и перенесенное на другие содержания, по психологической природе своей оно является не чем иным, как „категорическим императивом“ Канта. Тотемизм, напротив, — чуждый нашему современному чувству религиозно-социальный институт, в действительности давно оставленный и замененный новыми формами, оставивший только незначительные следы в религии, нравах и обычаях жизни современных народов». О дивный, прекрасный мир, где объяснить, что такое «табу» проще простого: это, знаете ли, просто категорический императив Канта, только в древности.

Однако в эту логику врывается прямо противоположная логика XX века. Фрейд-то был эволюционистом, он искренне считал, что в человеческом представлении о мире «анимистическая фаза сменяется религиозной, а последняя научной. В анимистической стадии человек сам себе приписывает могущество, в религиозной он уступил его богам, но не совсем серьезно отказался от него, потому что сохранил за собой возможность управлять богами по своему желанию разнообразными способами воздействия. В научном мирозерцании нет больше места для могущества человека, он сознался в своей слабости и в самоотречении подчинился смерти». Но человечество эволюционистом не было. Ровно в тот момент, когда он открывал свое бессознательное, оно решило все начать сначала, провозгласило